

Фаррар Фредерик Вильям

**Тьма и разсвет на разсвете
христианства**

**Исторический роман из времен
Нерона**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Ф86

Ф86 **Фредерик Вильям Ф.**
Тьма и разсвет на разсвете христианства: Исторический роман из времен
Нерона / Фаррар Фредерик Вильям – М.: Книга по Требованию, 2022. –
320 с.

ISBN 978-5-519-78698-0

ISBN 978-5-519-78698-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

такъ она съумѣла найти средство — и не погнушалась такимъ средствомъ—привлечь на свою сторону болѣе сильнаго Палласа. За нее былъ и народъ, видя въ ней единственную оставшуюся въ живыхъ потомку когда-то такъ горячо имъ любимаго полководца. На ее же сторонѣ была и римская интеллигенція, такъ какъ Сенека, бывший всегда въ числѣ ее фаворитовъ и, только благодаря ее могучему влиянію возвращенный изъ ссылки, занимая теперь высокій постъ воспитателя ее сына, весь былъ преданъ ее интересамъ, также и преторіанцы; ихъ храбрый и честный начальникъ, Буръ, этой должностью былъ обязанъ ее ходатайству. Ей же принадлежала и сила золота: сокровищницы ее были давно переполнены, — и сила красоты: очень немногіе изъ тѣхъ, которыхъ она рѣшила запутать въ свои сѣти, могли устоять передъ нею. Но самый главный и первый источникъ постояннаго успѣха всѣхъ ее замысловъ заключался въ ее необыкновенной увѣренности въ самой себѣ и въ неотразимости своихъ силъ. Неустрашимая не менѣе своей матери, Агриппины-Старшей, любимая войскомъ и народомъ почти такъ же, какъ и ее отецъ, храбрый Германикъ, отважная и блестящая, какъ бабка ее Джулія, дочь Августа, энергичная и неутомимая въ своей дѣятельности, какимъ былъ ее дѣдъ, славный Агриппа — не было ли у ней всѣхъ данныхъ для того, чтобы всѣхъ затмить собой и стать первымъ лицомъ въ имперіи? Но пока еще она не успѣла осушить до дна чашу честолюбія, къ которой давно уже она припала жадными устами.

Погруженная въ размышленія, она, повидимому, отдыхала, но это было лишь кажущееся спокойствіе. Агриппинѣ въ то время, когда начинается нашъ разсказъ, было около тридцати семи лѣтъ; но она была очень маложава и все еще царственно красива. Чрезвычайно тонкія черты лица, поразительная свѣжесть, красивый лобъ, обрамленный массой выющихся золотистыхъ волосъ, голубые, необыкновенно блестящіе глаза, подъ темными и очень тонкими бровями, носъ съ небольшою горбинкой и маленькій красивый ротъ — такова была внѣшность этой женщины.

Итакъ, Агриппина, казалось, отдыхала; а между тѣмъ гордый взглядъ, временами тревожно устремленный на завішенную тяжелою портьерою дверь, говорилъ противное. Она, очевидно, кого-то ждала. Отпустивъ прислужницъ и рабынь и оставшись одна, она вся отдалась обдумыванію того замысла, ради осуществленія котораго она готова была по убѣжденію пожертвовать даже жизнью. Этотъ новый замыселъ заключался въ томъ, чтобы возвести — и какъ можно скорѣе — своего сына Нерона на престолъ римскихъ императоровъ.

Стремясь къ достиженію завѣтной цѣли, Агриппина ни разу не задумалась: преступна, или не преступна такая цѣль? Для нея преступленія не значили ничего, и давно уже она рѣшила, что ни укеры совѣсти, ни возможность опасности не должны быть препятствіями на ее пути. Какъ для нея, такъ и вообще

для большинства знатныхъ римлянокъ того времени добродѣтель была не болѣе, какъ отвѣщенное понятіе — пустой звукъ. О добродѣтели много толковали тогдашніе философы; это знала Агриппина, и сама была не прочь послушать иногда Сенеку, когда онъ наставлялъ въ этомъ смыслѣ ея юнаго сына, а сама она въ то время сидѣла въ сосѣдней комнатѣ, отдѣленная отъ нихъ только тяжелой драпировкой. Но на дѣлѣ она давно убѣдилась, что все это были не болѣе, какъ очень красивыя, очень громкія и совершенно пустыя фразы. Жрецы дѣлаютъ видъ, будто поклоняются и молятся богамъ; но какіе же это боги? Развѣ Августу, ея прадѣду, не воздаютъ, по опредѣленію сената, тѣхъ же божескихъ почестей? Развѣ не причислилъ тотъ же сенатъ къ лику боговъ и Тиверія, и ея безумнаго брата Калигулу, и даже его убитаго младенца, такъ восхищавшаго отца наклонностью кусаться и царапаться? Если же тѣ боги, которымъ на землѣ воздвигали храмы и возжигали вѣнчаныя, были такими же, то стоитъ ли вообще много думать и беспокоиться о жителяхъ Олимпа.

А Немезида? Но не выдумка ли только эта Немезида? Въ самомъ ли дѣлѣ слѣдовалъ по стопамъ виновныхъ твердо, хотя и неслышно, нѣкій фатумъ, который рано или поздно настигалъ ослушника боговъ. Агриппина смутилась, и ея лицо какъ будто измѣнилось; но это длилось недолго, и не прошло минуты, какъ она, прогнавъ отъ себя мрачную мысль, уже презрительно улыбалась. Правда, не мало несчастій замѣчалось въ ихъ кровавой семейной хроникѣ, и она припомнила судьбу ближайшихъ своихъ родственниковъ и ихъ трагическую кончину. Мысли ея перенеслись къ эпохѣ царствованія Тиверія, когда и на улицахъ, и въ домахъ не рѣшались говорить громко, когда насильственная смерть стояла на стражѣ у дверей каждаго благороднаго римлянина. Двое изъ ея дядей, Кай и Луцій Цезарь, оба неожиданно скончались во цвѣтъ лѣтъ, полные силъ; не отравилъ ли ихъ обоихъ Сеянъ? Другой ея дядя, Агриппа-Младшій, сынъ доблестнаго Агриппы, палъ въ неравной борьбѣ съ центуріономъ, чтобы умертвить его, посланнаго Ливіемъ къ нему въ его изгнаніе. Ея мать, строго добродѣтельная Агриппина-Старшая, была тоже убита самымъ варварскимъ образомъ; ея тетка, Юлія-Младшая, умерла въ ссылкѣ; ея два брата, Неронъ и Друзъ, погибли во цвѣтъ лѣтъ жалкой и постыдной смертью; третій ея братъ, Калигула, былъ умерщвленъ заговорщикомъ; ея сестра Юлія, да и двоюродная сестра, тоже Юлія—обѣ пали жертвами безумной ревности ея предшественницы, императрицы Мессалины. Да и сама она, наконецъ: развѣ не была одно время въ ссылкѣ по повелѣнію своего брата, императора Калигулы, на отдаленномъ и глухомъ островѣ? Уже второй разъ она вдовѣтъ, и, по слухамъ, сама отравила своего второго мужа, жалкаго оратора Пассіена. Но какое ей дѣло, что о ней болтаютъ? И еслибъ даже она въ самомъ дѣлѣ отравила этого богатаго старика—что же изъ этого? Его несмѣтное богатство было, и долго еще будетъ, ей очень полезно. Къ тому же

не съ тѣхъ ли именно поръ и начала благовоить къ ней Фортуна? Ее вернули изъ ссылки, а затѣмъ, когда настало время, она сумѣла найти возможность проникнуть во дворецъ своего дяди Клавдія и, поселившись тутъ, устранить — частью своими интригами, частью благодаря красотѣ—всѣхъ своихъ соперницъ, послѣ чего и стала супругой императора.

И тутъ въ ея памяти невольно прошли нѣкоторыя изъ этихъ соперницъ, и злая усмѣшка искривила красивыя губы императрицы.

Во-первыхъ, Мессалина — ея предшественница на римскомъ престолѣ — развѣ не имѣла эта, любимая до обожанія, жена Клавдія, все для того, чтобы на долго упрочить за собой свое высокое положеніе? Она родила Клавдію двухъ прелестныхъ дѣтей; этихъ дѣтей Клавдій любилъ; да и кто могъ бы не полюбить скромнаго и благороднаго Британника, кроткую, неспорочную Октавію? Безъ сомнѣнія, Мессалина была болѣе чѣмъ угѣрена, что преемникомъ Клавдія будетъ ея сынъ. А между тѣмъ какъ неумѣло повела она свои дѣла! Какъ глупо предпочла всему удовольствію, забывая честолюбіе, и какъ легко сумѣла Агриппина, повидимому, не принимая, никакого участія въ катастрофѣ, достигъ того, что Мессалина своимъ легкомысліемъ сама себя погубила и погибла въ разцвѣтѣ красоты отъ руки палача.

А Лолліа Паулина? Красавица, одна изъ первыхъ богачекъ въ Римѣ, чего бы не могла достигъ эта женщина? И Агриппина вспомнила, съ какимъ она надменнымъ видомъ проходила своей ислічайвой и плавной поступью, въ качествѣ императрицы супруги Калигулы, — мимо рядовъ царедворцевъ, ослѣвленныхъ какъ ея красотой, такъ и драгоценными камнями, которыми снизу и доверху была усыяна ея длинная одежда. Но Лолліа возымѣла дерзновенное желаніе связаться съ Агриппиной, добиваясь въ одно время съ ней счастья сдѣлаться супругой цезаря. Да, сколько пришлось преодолѣвать для этого Агриппининѣ! Сколько ловкости надо было, чтобы одержать верхъ надъ предрассудкомъ римлянъ противъ брака между дядей и племянницей. И все-таки Агриппина, благодаря помощи всесильнаго отпущенника Палласа, вышла изъ этой борьбы побѣдительницей! По ея настояніямъ, Лоллію вскорѣ сослали, затѣмъ она сама послала къ этой несчастной жертвѣ своего властолюбія трибуна съ приказаніемъ несчастной наложить на себя руки.

А Домеція Лепида, сестра перваго ея мужа, Домиція Агенобарба, мать Мессалины, родная тетка по отцу сына ея, Нерона, первая жена втораго ея мужа, покойнаго Пассіена, — развѣ эта женщина, какъ по богатству, такъ и по красотѣ и по знатности происхожденія, не была почти такъ же всесильна, какъ она? Не такъ же ли и она мало задумывалась тамъ, гдѣ дѣло шло о достиженіи власти и удовлетвореніи ненасытнаго честолюбія? А потому эта женщина могла бы быть весьма полезной союзницей; но какъ смѣла она соперничать съ ней, добиваясь привязанности Нерона? Какъ смѣла она быть съ нимъ и ласковой, и свис-

ходительной тогда, когда Агриппина считала почему-либо нужным выказать юношѣ особую строгость? Рано потерявъ своего отца, Домиція Агенобарба, Неронъ вскорѣ послѣ его смерти и въ то время, какъ мать его находилась въ ссылке, былъ помѣщенъ на жительство въ домъ Лепиды, не нашедшей ничего лучшаго, какъ приставить къ мальчику, въ качествѣ педагога и воспитателя, бранобрѣя и плясуна. Но какъ только Неронъ сдѣлался однимъ изъ членовъ императорской семьи, и когда съ каждымъ днемъ становилось все вѣроятнѣе, что слѣдующимъ императоромъ будетъ не родной сынъ Клавдія—Британикъ, а его пріемный сынъ, Неронъ, Лепида старалась всячески угодить племяннику, льстила ему и баловала его. А между тѣмъ избавиться совсѣмъ отъ Лепиды оказалось дѣломъ не легкимъ, такъ какъ Нарциссъ, искренно преданный Клавдію, рѣшительно возсталъ противъ всякихъ попытокъ осудить эту женщину на смерть. Впрочемъ, и это не уйдетъ—гдѣ же та цѣль, которой не достигла бы Агриппина?—а потому и Нарциссъ, и Лепида, когда придетъ время, дождутся своей очереди....

Но довольно! Зачѣмъ напрасно волновать себя и раздражать? Обдуманно и не спѣша она должна идти къ своей цѣли. Но кто посмѣетъ сказать, что успѣхъ не увѣнчается ея замысла? «Да. Неронъ, мой сынъ, ты будешь императоромъ! Судьбы полміра будутъ въ твоихъ рукахъ, но управлять тобой—какъ было до сихъ поръ—все же буду я, и мнѣ—мнѣ одной будетъ принадлежать державная власть цезарей; Немезида же, если только вообще есть такое божество, должна будетъ повременить!»..

Но на этомъ размышленія императрицы были прерваны.

Глава II.

Въ корридорѣ послышался звучный молодой голосъ, портьера раздвинулась, и передъ Агриппиной появился юноша лѣтъ шестнадцати—свѣжій, румяный, не слишкомъ высокаго роста, но замѣчательно красиваго сложенія.

— Ахъ, это ты, Неро!—воскликнула не безъ изумленія его мать;—я предполагала, ты все еще въ триклиніумѣ. Императоръ, проснувшись, можетъ замѣтить твое отсутствіе.

— Опасаться этого нечего,—отвѣчалъ, смѣясь, Неронъ.—Императоръ уже хранить на своемъ ложѣ, а гости съ усиліемъ сдерживаютъ зѣвоту. Бѣднягамъ придется сидѣть тамъ до полуночи, а то и позже, если только Нарциссъ не догадается уволить ихъ отъ поучительнаго зрѣлища совершенно пьянаго полу-божества.

— Замоли!—строго прикрикнула Агриппина на сына.—Такое ребяческое легкомысліе неумѣстно. Ты можешь насмѣхаться надъ чѣмъ тебѣ угодно, но надъ величіемъ императорской власти

никогда, не только съ глазу на глазъ со мной, но даже наединѣ съ самимъ собой. Кромѣ того, не забывай, что во дворцѣ стѣны слышать. А Октавію ты оставилъ за столомъ?

— Да.

— Какая неосторожность! — сказала Агриппина. — Ты вѣдь знаешь, какъ я всегда стараюсь, чтобы она видѣлась съ отцомъ не иначе, какъ въ нашемъ присутствіи. У Клавдія винные пары проходятъ иногда очень быстро, и послѣ нѣсколькихъ минутъ сна онъ можетъ разсуждать и говорить совершенно здраво. А Британникъ былъ въ триkliniумѣ, когда оттуда ты ушелъ?

— Британникъ? — изумился Неронъ. — Разумѣется, нѣтъ. Мнѣ кажется, ты приложила не мало стараній, чтобы мѣсто его постоянно оставалось на заднемъ планѣ. По древнему обычаю, который недавно возобновилъ императоръ, онъ сидѣлъ за обѣдомъ, какъ ты сама видѣла, на ложѣ, въ ногахъ у своего отца. Но мальчики давно уже были высланы изъ триkliniума вмѣстѣ со своими педагогами, и — насколько я знаю, Британника уложили спать.

— А для кого, скажи, неблагодарный, принимаю я всѣ эти мѣры предосторожности? — спросила Агриппина. — Развѣ не ради тебя — не ради того, чтобы ты могъ облачиться въ порфиру и, въ положеніи римскаго императора, господствовать надъ народами?

— «Ради меня, да и ради себя тоже», — подумалъ Неронъ, но ничего не сказала; не умѣя пока еще скрывать своихъ мыслей отъ зоркаго взгляда матери, онъ нагнулся, чтобы скрыть улыбку, и поцѣловалъ ее въ щеку говоря: «Лучшая изъ матерей!»

— Лучшая изъ матерей! Да; но на долго ли? — протворила Агриппина; — и когда я тебя возведу на престолъ, ты, пожалуй...

Она не досказала. Ей вспомнилось страшное предсказаніе о немъ халдеевъ, которое она до сихъ поръ старательно скрывала отъ сына. «Онъ будетъ императоромъ и убьетъ свою мать», на что послѣдовалъ ея отвѣтъ: «пусть убьетъ меня, лишь бы былъ императоромъ»; объ этомъ отвѣтѣ Неронъ тоже ничего не зналъ.

— Optima mater теперь и всегда, — отвѣтилъ онъ. — Но знаешь, я недоволенъ Британиномъ, крайне имъ недоволенъ! — и онъ топнулъ ногой.

— Что такъ? Онъ достаточно безобиденъ и очень кроткій мальчикъ. Мнѣ казалось, что онъ совсѣмъ въ твоихъ рукахъ, и что вообще вы оба ладите между собой. Еще недавно видѣла я, какъ вы сидѣли дружески рядомъ, обучая вашихъ галокъ и сорокъ. Я знаю, Британникъ ненавидитъ меня, но все же мнѣ удалось покорить его сердце — хотя и не надолго — общаніемъ подарить ему моего говорящаго дрозда, съ такимъ любопытствомъ смотрѣвшаго въ ту минуту на насъ изъ клѣтки.

— Подари-ка лучше его мнѣ, матушка, — сказалъ Неронъ. — Вѣдь дроздъ, умѣющий говорить такъ хорошо, какъ твой, величайшая въ мірѣ рѣдкость, и цѣнится не на вѣсъ золота а въ десять разъ дороже.

— Итъ, Неро. Дрозда я подарю Британнику. Мнѣ любо въ немъ такое пристрастіе къ мелочамъ и игрушкамъ. Для тебя же имѣется у меня въ виду другое. Но чѣмъ же бѣдный мальчикъ разсердилъ тебя?

— Я съ нимъ встрѣтился въ домѣ одного изъ царедворцевъ,—сказалъ Неронъ,—и какъ ты думаешь, какимъ именемъ осмѣлился онъ привѣтствовать меня—меня, сына Клавдія по священному праву преемства, и, слѣдовательно, своего старшего брата?

— Какъ же назвалъ онъ тебя?

— Я очень вѣжливо сказалъ ему: «Здравствуй, Британникъ», а онъ на это имѣлъ наглость отвѣтить мнѣ: «Здравствуй, *Агенобарбъ*!» Агенобарбъ! Я ненавижу это имя. Развѣ онъ не знаетъ, что я къ божественному Августу ближе, чѣмъ онъ? Удивляюсь, что только онъ хотѣлъ этимъ сказать?

Агриппина разразилась звонкимъ смѣхомъ.

— Бѣдный мальчикъ!—сказала она.—Это просто потому, что мысли его почему-нибудь начинали путаться, какъ это постоянно случается съ его отцомъ. Конечно, нельзя думать, чтобы онъ особенно горячо любилъ тебя, да у него есть и основанія не любить тебя; но онъ ровно ничего не хотѣлъ этимъ высказать.

— Сомнѣваюсь, чтобы это было такъ, — возразилъ юноша;— надо думать скорѣе, что Нарциссъ, Бубенскъ или Юлій Денсъ, или вообще кто-нибудь изъ его окружающихъ подстрекнулъ его нанести мнѣ это оскорбленіе.

— Да, Нарциссъ, дѣйствительно самый опасный нашъ врагъ,—въ раздумьи проговорила Агриппина.—Онъ вообще гордится черезъ мѣру своимъ преторскимъ достоинствомъ; но все же онъ уязвимъ. Императоръ остался недоволенъ неудачей съ каналомъ для осушенія Фуцинскаго озера, и, можетъ быть, мнѣ удастся уговорить Домиція Афера, или кого-либо другого, возвести на него обвиненіе въ растратѣ или присвоеніи отпущенныхъ на это дѣло суммъ. Иначе, какъ бы могъ онъ нажить цѣлыхъ 400,000,000 сестерцій? Онъ очень страдаетъ за послѣднее время отъ подагры, и я посоветую ему удалиться для его же здоровья въ Кампанію. А когда, онъ будетъ устраненъ съ дороги... Однако, Неро, я жду къ себѣ Палласа, съ которымъ мнѣ необходимо переговорить объ одномъ чрезвычайно важномъ дѣлѣ. А потому, мой мальчикъ, отправляйся въ триклиніумъ, будь всегда на стражѣ и слѣди зорко за всѣмъ, что происходитъ.

— Хорошо, такъ и быть, я вернусь туда,—сказалъ Неронъ;—но знаешь, матушка, у меня иногда является желаніе, чтобы все это было уже кончено. Я очень жалѣю, что меня заставили жениться на Октавіи; я никогда не буду любить ее. Мнѣ бы хотѣлось...

Юноша остановился и вспыхнулъ, почувствовавъ на себѣ орлиный взглядъ своей матери, и понялъ, что чуть было не повѣдалъ ей тайну своей любви къ Актеѣ, молодой отпущенницѣ въ свитѣ его жены.

— Ну, что же? — подозрительно проговорила Агриппина, но вмѣстѣ съ тѣмъ была она очень довольна, замѣтивъ, какъ сильно труситъ передъ ея властнымъ взглядомъ ея сынъ. — Продолжай же!

— Да я ничего особеннаго не хотѣлъ сказать, — запинаясь, прошепталъ онъ, все еще смущенный, — развѣ только то, что перспектива быть императоромъ временами вовсе не соблазняетъ меня. Подумай сама: Юлій былъ убитъ; Августъ, какъ говорятъ, умеръ отъ отравы; Тиверій задушили; мой дядя, Кай Калигула, былъ пронзенъ нѣсколькими ударами. Большого счастья въ томъ, чтобы сдѣлаться императоромъ, нѣтъ: — слишкомъ ужъ часто сквозь порфиру пролагаетъ себѣ дорогу кинжалъ убійцы.

— Стыдись говорить такъ! — сказала Агриппина. — Неужели власть пустяки? Развѣ ты позабылъ, что ты внукъ Германика, и что въ твоихъ жилахъ течетъ кровь не одного только Домиція, но и цезарей? Стыдись! Стыдись!

— Прости меня, матушка; ты права, — сказалъ юноша, — ты всегда умѣешь заставить всѣхъ думать по твоему. Но я слышу въ сосѣдней комнатѣ шаги Палласа и ухожу.

Неронъ наклонился и поцѣловалъ мать; едва только онъ скрылся за завѣсью, въ комнату вошелъ одинъ изъ рабовъ и доложилъ, что Палласъ ждетъ приказанія явиться передъ императрицей.

Глава III.

Между тѣмъ, осеннія сумерки замѣтно сгустились; въ залѣ, освѣщенной слабо мерцавшимъ свѣтомъ одинокой лампы, царилъ пріятный полусвѣтъ, когда въ нее вошелъ Палласъ. Но сегодня этотъ могущественный временщикъ того времени и ближайшій другъ Агриппины былъ сумраченъ и, видимо, чѣмъ-то сильно озабоченъ. Что-то зловѣщее носилось въ воздухѣ: въ народѣ шелъ слухъ о появленіи свиньи съ ястребиными когтями вмѣсто копытъ; толковали съ затаеннымъ страхомъ о роѣ пчелъ, не такъ давно привившихся на вершинѣ Капитолія; — о шатрахъ и знаменахъ, спаленныхъ въ лагерѣ молніею. Наконецъ, въ этомъ году въ какіе-нибудь два три мѣсяца, одинъ за другимъ, сошли въ могилу квесторъ, эдилъ, трибунъ, преторъ и консулъ. Но суетѣ было чуждо Агриппинѣ, и она внимала этимъ рассказамъ отпущенника съ усмѣшкой презрительнаго равнодушія. Однакожъ, не такъ отнеслась она къ сообщеніямъ Палласа, когда онъ передалъ ей, что за послѣднее время часто и во всеуслышаніе говорилъ отпущенникъ Нарциссъ — другой изъ сильныхъ временщиковъ при дворѣ Клавдія. Все равно — говорилъ онъ — будетъ ли императоромъ послѣ смерти Клавдія родной его сынъ Британикъ, или пріемный Неронъ, — одинаково печальная судьба ждетъ его.

Британникъ отомститъ на немъ участь своей матери Мессалины, низверженію и смерти которой онъ такъ много содѣйствовалъ; Неронъ же выместитъ на немъ злобу за его возмущеніе противъ брака Агриппины съ Клавдіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Нарциссъ, всецѣло преданный императору, заботился объ интересахъ Британника, — родного сына этого императора. Онъ любилъ юношу, оберегалъ его и не разъ громко молилъ боговъ скорѣе послать Британнику и крѣпость, и силу мужа для низверженія враговъ его отца, хотя бы вмѣстѣ съ этимъ и на него обрушился гнѣвъ сына за смерть матери.

Затѣмъ не мало встревоженной императрицѣ Палласъ сообщилъ, что и самъ Клавдій часто проявлялъ за послѣднее время какую-то особенную нѣжность какъ къ Британнику, такъ и къ дочери Октавіи; — прижималъ ихъ къ своему сердцу, печалился о наносимыхъ имъ обидахъ и при этомъ всегда увѣрялъ, что никогда не будутъ они вытѣснены изъ его сердца никакими прописками коварнаго сына этого шелопаю, Доминція Агенобарба. Но это было еще не все, и Агриппина положительно пришла въ ужасъ, услышавъ отъ своего вѣрнаго клеветы, что, опьянѣвъ, императоръ, не далѣе какъ сегодня, за ужиномъ несвязно пробормоталъ, «что болѣе чѣмъ подозрѣваетъ тѣ коварные замыслы, что таить въ душѣ его жена; но что такова всегда была его участь: — сначала молча до поры до времени выносить гнусное поведеніе своихъ супруговъ, но за то потомъ разомъ отплатить имъ сторицей за все».

При этихъ словахъ Агриппина, словно ужалѣнная, поднялась со своего ложа. Лицо ея, дыша злобой и негодованіемъ, горѣло.

— Жалкій глупецъ! Несчастный пьяница-идіотъ! — воскликнула она. — И онъ такъ смѣетъ говорить обо мнѣ! Нѣтъ, Палласъ, больше намъ нельзя медлить: время настало — и мы должны дѣйствовать. А между тѣмъ, пока Нарциссъ останется подлѣ него, каждый рѣшительный шагъ съ моей стороны сопряженъ съ величайшей для меня опасностью: онъ предастъ душой Клавдію; подкупить его нѣтъ возможности; и онъ бодрствуетъ надъ нимъ какъ вѣрная собака.

— Правда; но вѣдь онъ весь искалѣченъ подагрой, — замѣтилъ Палласъ; — его страданія превышаютъ его силы, и долго выдержатъ такія муки ему не хватитъ силъ. Я уже передавалъ ему вашъ совѣтъ попробовать леченіе сѣрыми ваннами въ Синуэссѣ, и почти увѣренъ, что онъ не замедлитъ послѣдовать ему и; самое большее недѣли черезъ двѣ, подастъ прошеніе объ отпускѣ; настоящая жизнь его — одно мученіе.

— Хорошо! проговорила Агриппина и, немного погодя, прибавила, понизивъ голосъ до шопота и глядя прямо въ глаза отпущеннику: — Клавдій долженъ умереть!..

— Говорите громко, Августа, — сказалъ Палласъ. — Здѣсь вблизи нѣтъ никого изъ вашихъ прислужниковъ или рабовъ. Прежде чѣмъ сюда войти, я поставилъ въ проходѣ одного изъ моихъ собственныхъ прислужниковъ съ приказаніемъ мѣшать подъ стра-

хоть смерти кому бы то ни было близко подходить къ дверямъ вашей комнаты.

— И вы осмѣлились дать такого рода приказаніе?—спросила Агриппина, изумленная наглостью отпущенника.

— Да, но, конечно, не словами — съ надменностью отвѣтилъ временщикъ. — Не стану же я снисходить до словесныхъ объясненій съ какимъ-либо изъ моихъ рабовъ, или даже отпущенникомъ—я—потомокъ Евандра и древнѣйшихъ царей Аркадіи, хотя и нахожусь въ числѣ слугъ Цезаря. Достаточно одного моего взгляда, одного движенія моей руки, чтобы приказанія мои исполнялись въ точности. Я горжусь — какъ сказать и сенату въ отвѣтъ на его предложеніе подарить мнѣ четыре милліона сестерцій—горжусь тѣмъ, что даже и на службѣ у императора остаюсь все такимъ же бѣднякомъ, какимъ былъ и прежде.

— «О, наглый лжецъ!»—думала Агриппина, слушая Палласа; — «и это онъ говоритъ мнѣ, которой извѣстно не меньше, чѣмъ ему самому, его происхожденіе и то, что онъ былъ не болѣе, какъ простымъ рабомъ у Антонинъ—матери императора; онъ смѣетъ гордиться своей мнимой бѣдностью, да еще въ моемъ присутствіи, и притомъ зная, что для меня вовсе не тайна, что своими грабежами онъ въ какихъ-нибудь четырнадцать лѣтъ скопилъ себѣ цѣлыхъ шестьдесятъ милліоновъ сестерцій».

Не смотря на это Агриппина поспѣшила скрыть отъ своего сообщника презрительную усмѣшку, появившуюся было на ея красивыхъ губахъ, и шопотомъ сказала еще разъ:

— Клавдій долженъ умереть!

— Замыселъ опасный,—замѣтилъ внушительно отпущенникъ.

— Итъ; если только мы съумѣемъ какъ-нибудь скрыть его отъ глазъ свѣта,—возразила императрица.—А кто осмѣлится говорить о томъ, на что малѣйшій намекъ равносильенъ смерти?

—Вы должны, однако, помнить, что если вы дочь незабвеннаго Германика, то и императоръ его братъ, и войско никогда не согласится поднять оружіе противъ него,—сказалъ Палласъ.

— Я и не думаю обращаться къ содѣйствію преторіанцевъ,—отвѣчала Агриппина.—Есть иныя средства: подъ этимъ дворцомъ въ его подземныхъ казематахъ, заключена одна особа, которая будетъ мнѣ пособницей въ этомъ дѣлѣ.

— Локуста! — понизивъ въ свою очередь голосъ до шепота, проговорилъ Палласъ съ невольнымъ содроганіемъ.—Но у императора есть свой praegustator, на обязанности котораго лежитъ отвѣдывать отъ каждаго блюда, отъ каждаго кубка, поданнаго цезарю.

— Знаю! Должность эту занимаетъ свнухъ Галоть,—сказала Агриппина.—Но его подкупить не трудно, и мнѣ онъ не посмѣетъ противорѣчить.

— Но у Клавдія есть и свой врачъ.

— Знаю: знаменитый Ксенофонтъ, — улыбаясь многозначительно, сказала Агриппина.

Палласъ, пораженный не то ужасомъ, не то удивленіемъ, молча возвелъ руки вверхъ. Смолоду лишенный всякихъ принциповъ нравственности, онъ, однако, ни разу еще не облилъ своихъ рукъ въ крови. Обдуманная преступность Агриппины и ея хладнокровіе невольно его привели въ трепетъ: не безопаснѣ ли было бы ему послѣдовать примѣру Нарцисса и оставаться вѣрнымъ своему государю? Долго ли еще будетъ онъ человѣкомъ, нужнымъ императрицѣ для ея цѣлей? И какая постигнетъ его участь, когда она съ сыномъ болѣе не будетъ нуждаться въ его содѣйствіи?

Замѣтивъ тревожныя думы отпущенника по выраженію его лица, Агриппина поспѣшила его мыслямъ дать другое направленіе.

— Клавдій, вѣрно все еще въ триклиніумѣ*) за виномъ, — сказала она. — Пойдемте къ нему. Ацерронія, дежурная дама моей свиты, пойдетъ къ намъ.

— Нѣтъ, императора уже давно унесли въ спальню, — отвѣтилъ Палласъ. — Но, все равно, если вы желаете его видѣть, я готовъ проводить васъ на его половину.

И говоря это, Палласъ направился къ выходу. За нимъ послѣдовала императрица въ сопровожденіи своей вѣрной наперницы Ацерроніи. Проходя крытымъ дворомъ, гдѣ былъ дворцовый караулъ, изъ отряда преторіанцевъ, Палласъ подошелъ къ центуріону Пуденсу и далъ ему пароль на ночь.

— Императоръ почиваетъ, — доложилъ одинъ изъ рабовъ, стоявшихъ на стражѣ у дверей, когда Агриппина вмѣстѣ съ Палласомъ переступила порогъ опочивальни императора.

— Хорошо, — сказала императрица, — вы пока можете удалиться. Намъ необходимо переговорить съ императоромъ о дѣлѣ, и мы подождемъ здѣсь, когда онъ проснется. Подайте мнѣ свѣтильникъ и ступайте. Ацерронія подождетъ насъ за дверями.

Передавъ Агриппинѣ золотой свѣтильникъ, стража молча покинула опочивальню. Здѣсь, среди комнаты, на низкомъ роскошномъ ложѣ лежалъ опьяненный императоръ и храпѣлъ. Красный, съ опухшимъ лицомъ, съ сѣдыми волосами, въ безпорядкѣ всклокоченными, съ вѣшкомъ изъ лавровъ, сбитымъ на лобъ, со ртомъ полуоткрытымъ, въ пурпуровой тогѣ, безобразно смятой и залитой виномъ, онъ менѣе всего походилъ на императора.

— Пьяница, кретинъ! — съ невыразимой ненавистью, какъ во взглядѣ, такъ и въ голосѣ, прошипѣла Агриппина, подойдя къ ложу и освѣтивъ свѣтильникомъ старческое обезображенное пьянствомъ лицо Клавдія. — Развѣ не права была его мать Антонія, часто величавшая его *позоромъ рода человѣческаго*? И удивительно ли, если братъ мой Кай позволялъ себѣ потѣшаться надъ нимъ, бросая въ него за одно съ своими гостями косточки оливъ и финиковъ, когда онъ засыпалъ за столомъ. Я сама не разъ видѣла,

*) Пиршественная зала. *Прилѣч. перев.*